

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЛИНГВОФИЛОСОФИИ АЛЬ-ФАРАБИ

Б. Д. Нуриев

TERMINOLOGICAL TOOLS OF AL-FARABI'S LINGUOPHILOSOPHY

B. D. Nuriev

В статье рассматриваются основные термины, использованные аль-Фараби в построении собственной модели языка. Автором анализируются роль и место каждого термина в концепции языка восточного мыслителя, акцентируется внимание на знаковом характере его лингвофилософской теории, доказывается лексический характер системы знаковости. Автором отмечаются особенности подхода аль-Фараби к терминологическому инструментарию и подчеркивается актуальность исследуемой темы для современной российской лингвофилософии.

The paper examines the main terms used by al-Farabi in constructing of his own language model. The author analyzes the role and place of each term in the Eastern thinker's concept of the language, focuses on the symbolic nature of his linguophilosophical theory, and proves the lexical character of the system of symbolism. The author considers the features of al-Farabi's approach to terminological tools and emphasizes the relevance of the mentioned theme for the modern Russian linguophilosophy.

Ключевые слова: аль-Фараби, арабо-мусульманская философия, Аристотель, античная философия, термин, язык, слово, звук, модель языка.

Keywords: al-Farabi, Arab-Muslim philosophy, Aristotle, ancient philosophy, term, language, word, sound, linguistic model.

Философия языка – сравнительно молодая отрасль гуманитарного знания. Согласно устоявшейся в российской науке традиции, зарождение лингвофилософии связывается с творчеством выдающегося австрийского ученого Л. Витгенштейна, а также с деятельностью так называемого Венского кружка, актив которого состоял из известных имен в области лингвистики и философии. Формирование философии языка в данный период означает, что именно в этот отрезок времени были оформлены модели понимания языка в его сугубо философской ипостаси. Язык стал рассматриваться как средство познания, сбора, хранения, кодирования и трансляции информации, а также как феномен, присущий существу разумному, способному к формированию мысли. Думается, что понятие *модель* достаточно гармонично вписывается в контекст данного исследования. Это объясняется тем, что у каждой лингвофилософской школы, которые стали оформляться в философии начиная с 20-х гг. прошлого столетия, было свое видение той сложной конструкции, которую представляет естественный язык. Более того, в рамках каждой школы был оформлен свой терминологический инструментарий, благодаря которому данные модели конструировались, а также обосновывалась их научная состоятельность. Так, например, благодаря герменевтике, основы которой, как известно, были заложены В. Дильтеем (1833 – 1911) и Х. Г. Гадамером (1900 – 2002), в широкий оборот вошли термины «диалектика речи» и «диалог». Благодаря оформившейся в первой половине прошлого столетия феноменологии стал вполне привычным для современной философии языка термин «модус сознания» [2, с. 22]. Во французском постструктурализме, который, как известно, в лингвофилософии апеллировал к социальным вопросам и поэтому был представлен преимущественно философами левых взглядов, в качестве инструментов конструирования модели языка были развиты такие термины, как «текст», «интертекстуальность» и «языковая деконструкция» [8, с. 136 – 146].

Однако, как справедливо констатируют многие российские исследователи, феномен языка в сугубо философской своей ипостаси так или иначе затрагивался в работах философов античности и Нового времени. Именно плеядой общеизвестных европейских мыслителей прошлого, среди которых, как правило, выделяют имена Платона (427 – 347 до н. э.) и Аристотеля (384 – 322 до н. э.), И. Канта (1724 – 1804) и Ж. Ж. Руссо (1712 – 1778), Дж. Буля (1815 – 1864) и Дж. Милля (1806 – 1873), был заложен тот самый тренд, в русле которого в конце XIX – начале XX вв. оформилась современная лингвофилософия. В целом российскими исследователями достаточно ярко и отчетливо выделен общеевропейский стержень, который и определил ход развития данной области знания [2, с. 5].

Как известно, уже в VIII в. передовая интеллектуальная мысль сместилась на несколько столетий на Восток. Арабский халифат, образно говоря, перенявший эстафету у античного мира, стал родиной новых идей и открытий как в области философии, так и в гуманитарном знании в целом.

Одним из ярких мыслителей средневекового Востока был известный ученый аль-Фараби (872 – 951). Этому выдающемуся философу посвящены монографии в российской науке и гуманитарном знании ближнего зарубежья [6], издаются сборники его трудов [1], его имя носит крупнейшее высшее учебное заведение в Республике Казахстан – Казахский государственный университет, расположенный в г. Алматы. Известно, что восточный мыслитель ряд своих работ посвятил проблемам языка и языкознания. Так, например, исследователи жизни и творчества великого восточного мыслителя выделяют примерно 20 – 22 трактата, в которых автор так или иначе затрагивал тему языка, его происхождения и сущности [10, с. 25].

Исследователи философии аль-Фараби выделяют несколько терминов, которые активно использовал мыслитель в ходе изложения своих воззрений в об-

ласти лингвофилософии. Замечу, что в формировании взглядов аль-Фараби большую роль сыграла античная философия, особенно наследие Платона и Аристотеля. Данное обстоятельство, безусловно, оказало соответствующее влияние на терминологический инструментарий восточного философа.

Лисан (естественный язык)

Одним из наиболее часто встречающихся понятий в философских трактатах аль-Фараби был термин «лисан», который по своей семантической нагруженности почти полностью соответствовал слову «язык» в современном его понимании. Эта же лексема транслирует идентичное значение и в современном арабском языке. Однако считается, что понятие *язык* в сугубо лингвистическом значении впервые было концептуализировано и развито основоположниками арабского языкознания Абдуллоу ибн Берри (ум. 1054) и Мухкемом ибн Сиде (ум. 1066), жившими позднее аль-Фараби и многое перенявшими у восточного философа. Добавлю, что данное же слово встречается в двадцати пяти аятах Корана, причем хоть и в близких, но все же в разных значениях.

Исследователи лингвофилософии аль-Фараби выделяют две особенности его подхода к проблеме языка, обозначавшемся в его трактатах словом «лисан». В первых, мыслитель, используя данное понятие, апеллировал к так называемому разговорному языку. Несмотря на то, что в его работах невозможно найти точное определение того, что означает в его понимании «лисан», во взглядах философа отчетливо прослеживается мысль, что это «разговорный язык, отличающий одну общность от другой» [10, с. 31]. В данном контексте восточный мыслитель пишет: «Люди разделяются на общности. Один город отличается от другого. Каждый город имеет свой естественный облик и свой естественный характер. Более того, у каждого города свой разговорный язык, способ общения и самовыражения» [10, с. 36]. Добавлю, что в рассматриваемый отрезок времени арабо-мусульманские мыслители в географических и политических науках, как правило, апеллировали к термину «город», а не «страна» или «государство», что связано с особенностью понимания правовых норм на Ближнем Востоке [7, с. 3 – 8]. Как видно, «лисан» для аль-Фараби – это не только разговорный арабский язык, это язык «каждого города».

Второй особенностью лингвофилософских взглядов аль-Фараби является то, что мыслитель нередко рассматривал «лисан» в привязке к логике. Современной философской науке хорошо известен его «Трактат о логике», в котором автор, опираясь на арабский язык, попытался рассмотреть вопрос о соотношении логической конструкции языка с его лексической системой. «Точно также, как языкознание опирается на язык народа, логика выстраивается на основе правильного мышления» – писал восточный ученый [10, с. 37]. Необходимо заметить, что аль-Фараби является, пожалуй, одним из самых известных арабо-мусульманских философов, представляющих так называемый аристотелизм, оформившийся на Ближнем Востоке в рассматриваемый отрезок времени. Достижения Аристотеля в области логики, безусловно, оказали непосредственное воздействие на взгляды аль-Фараби в области лингво-

философии. Как известно, еще в 752 г. арабские интеллектуалы перевели на свой язык «Органон» Аристотеля. После ознакомления с данным трактатом, считавшимся своего рода учебником логики в Древней Греции, начались споры между языковедами, которые были сконцентрированы на изучении собственно арабского языка, и так называемыми логистами, говорящими на арамейском языке и признававшими за логикой статус универсального языка. Известно, что аль-Фараби, также почитавший творчество Аристотеля, старался так или иначе примирить позиции языковедов и логистов.

Итак, термин «лисан», занимавший центральное положение в модели языка, предложенной восточным мыслителем, был во многом созвучен концепту *естественный язык* в том понимании, которое свойственно устоявшейся современной научной традиции.

Люгат (язык-понимание)

Наряду с термином «лисан» в целях трансляции понятия *язык* аль-Фараби использовал также слово «люгат». Понимание данного термина осложнено особенностями конструкций современных естественных языков. Дело в том, что концепт *язык* в силу целого ряда причин в ходе эволюции естественного языка вытеснил близкие по своей семантической содержательности слова. Законы данного процесса пока не совсем ясны современной науке. Все попытки объяснить процесс «выживания» отдельных слов и «угасания» конкурирующих понятий, которые были начаты, как известно, Л. Витгенштейном, вызвали много вопросов у научного сообщества, на которые не удавалось найти ответ. Добавлю, что слово «люгат» не обнаруживается в Коране и в других важнейших первых источниках арабской письменности.

Особенностью данного понятия является то, что в нем отчетливо прослеживается гносеологический контекст. В древнеарабском языке корень данного слова так или иначе соотносился с понятиями «неправильно понять», «вести бессмысленный разговор», «ошибаться, разговаривая». Несмотря на явный отрицательный оттенок в той информации, которая транслировалась данным словом в древнеарабском языке, аль-Фараби активно использовал данный термин в ходе изложения своих мыслей. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что, согласно дошедшим до наших дней источникам, словом «люгат» впервые стали оперировать также лингвисты, один из которых, «представитель Багдадской лингвистической школы Ибн Джинни писал в своих трактатах, что «люгат – это язык, это поток звуков, благодаря которому выражается мысль» [10, с. 37]. Думается, рассматриваемый нами термин более близко к тому значению, которое придавал ему восточный философ, можно перевести как «язык-понимание» или «язык-осознание». Аль-Фараби неразрывно связывал «люгат» с вопросами гносеологического характера, использовал данный термин при рассмотрении проблем адекватного восприятия человеком внешнего мира. «Люгат» для него это тоже язык, но язык-посредник между человеком и тем, что его окружает. Принципиальное различие между двумя понятиями – «лисан» и «люгат» – заключается в следующем. Восточный философ использо-

вал слово «лисан» в тех случаях, когда излагал свои мысли о языке национальном, например, арабском, персидском, арамейском и т. д., присущим определенному «городу», а также в ходе анализа языка наднационального, то есть общего, характерного для человеческого общества в целом. Безусловно, апеллирование к понятию национальный в данном случае не совсем уместно, в силу того, что, как известно, национальность – продукт Нового времени. Для эпохи раннего средневековья, возможно, было бы уместнее использовать понятия «этнический» и «надэтнический». Как бы там ни было, сама суть вопроса от этого не меняется. «Люгат» же в воззрениях аль-Фараби – это рефлексивный язык, язык познания и формирования мысли. Добавлю, что возможно, вопрос о более четком разделении концепта *язык* на две части – лингвистическую и гносеологическую – со временем снова найдет свое достойное место в повестке дня отечественной лингвофилософии.

Кавль (слово)

Пожалуй, одним из самых широко употребляемых в лингвофилософских изысканиях аль-Фараби было понятие *слово*, которое, как виделось ученому, представляет собой основу языка. Для обозначения данного понятия мыслитель использовал термин «кавль». Аль-Фараби разработал оригинальную теорию словообразования, согласно которой, в процессе создания слова задействованы три фактора. Во-первых, это воздух, который человек пропускает сквозь речевой аппарат при артикуляции звуков. Замечу, что вопрос о самом речевом аппарате мыслитель не затрагивал. Во-вторых, это звуки, подразделяющиеся на гласные и согласные, образующиеся благодаря выдыханию этого воздуха. И в-третьих, это осмысливание *слова*, придание ему того или иного значения. Аль-Фараби считал, что каждое *слово* содержательно и несет в себе особую смысловую нагрузку.

Как говорилось выше, исследователи творчества аль-Фараби констатируют о наличии множества параллелей между воззрениями восточного ученого и взглядами Аристотеля. Также как и Аристотель, восточный философ признавал необходимость в систематизации и упорядочивании лексической базы языка для более эффективного его использования в науке. Также как и древнегреческий мыслитель, аль-Фараби исходил из того, что в процессе упорядочивания словарного запаса естественного языка необходимо отталкиваться от частного к общему вплоть до достижения непересекаемых по своей смысловой нагруженности понятий. Как известно, такого же принципа в вопросе концептуализации «категорий» придерживался и Аристотель. Система классификации «категорий» у Аристотеля и «кавль» у аль-Фараби также имела много общего. Например, выделение в «категориях» и в «кавль» таких групп, как «сущность», «количество», «обладание», присутствует в концепциях обоих ученых.

Включение в лингвофилософский терминологический инструментарий понятия «кавль», безусловно, имеет принципиальное значение для философии языка Ближнего Востока периода раннего средневековья. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что лингвофилософская мысль, оформившаяся в рамках

арабо-мусульманской философии, продолжила традиции античности. Как констатируют исследователи, важная особенность лингвофилософских воззрений аль-Фараби заключалась в том, что восточный мыслитель во многом перенял у Аристотеля и адаптировал к ближневосточным реалиям идею *знаковости* естественного языка. Более того, аль-Фараби также поддержал античных мыслителей и в том, что знаковость языка проявляется прежде всего на уровне *лексемы*. Напомню, что апеллирование к *слову* как к исходной единице естественного языка было характерно для всех философов, поднимающих тему языка, вплоть до так называемого языкового переворота позднего Л. Витгенштейна, после которого тождественность *слова* и его *значения* стала подвергаться сомнениям в научном сообществе. Добавлю, что рассматриваемая тенденция была характерна и для русской лингвофилософской мысли, которая оформилась в отдельное направление в отечественной философии языка – словологию [3, с. 4].

Лафыз (звук)

Заслуживает внимания еще один термин, получивший в трактатах аль-Фараби название «лафыз». «Лафыз» – это звук, который человек произносит посредством выдыхания воздуха. Необходимо заметить, что *звук*, или говоря сугубо лингвистическим языком, *фонема*, будучи предметом исследования лингвистов, вплоть до настоящего времени не занимала центральное место в философии языка. Это объясняется тем, что знаковость языка связать со звуком и даже их сочетаниями подавляющему большинству специалистов в области философии языка видится невозможным. Нужно признать, что в Советском Союзе, а потом и в России предпринимались попытки исследовать феномен *языка* именно с данного ракурса, однако исследования специалистов не получили ожидаемого признания в научном сообществе [4]. Что касается западноевропейской и американской философии, то в лингвофилософских исследованиях западных ученых *фонема* рассматривалась, как правило, сквозь призму проблем, имеющих непосредственное отношение к психологии и сопредельным дисциплинам.

Звук, будучи одним из широко используемых аль-Фараби понятий в его лингвофилософских трактатах, тем не менее не занимал ключевую позицию. Считается, что рассматриваемое понятие аль-Фараби значительно чаще задействовал в тех работах, где описывал языки других народов, населяющих как Арабский халифат, так и другие сопредельные государства. Восточный мыслитель писал, что «как отличаются друг от друга языки по способам написания, также они различаются и по звукам. Если бы в каждом языке звуки были идентичными, то и слова были бы во многом схожими, и люди бы понимали друг друга лучше» [10, с. 35]. В целом, несмотря на то, что *звук*, как писал мыслитель, мог бы стать тем базовым инструментом, который определял конструкцию естественного языка, данный термин выполнял большее вспомогательные функции в модели естественного языка аль-Фараби.

Келам (божественное слово)

Безусловно, правы российские философы-востоковеды, утверждающие, что философия Ближнего Востока в период раннего средневековья взвалила на свои плечи ответственную ношу – сохранить и по мере возможностей развить ту традицию вольного философствования, которая сложилась в Древней Греции. Известно, что пытавшиеся реанимировать античную мысль византийские вольнодумцы на протяжении столетий были гонимы у себя на родине и находили не только прибежище, но достаточно благоприятные условия для интеллектуального труда в Арабском халифате [9, с. 19 – 28]. Однако необходимо признать, что арабо-мусульманская философия, в отличие от античной мысли, во многом опиралась на религию, что, безусловно, отразилось и на эволюции интеллектуальной мысли на Ближнем Востоке. Влияние религии достаточно ощутимо прослеживалось и в трудах аль-Фараби, в том числе и в тех его трактатах, в которых затрагивалась проблема языка. Так, аль-Фараби ввел в ближневосточную лингвофилософию понятие «келам», суть которого можно транслировать на русский язык в форме выражения «божественное слово». Как видно, термин «келам» созвучен с хорошо изученным в российской философской науке интеллектуальным течением «калам», которое нередко именуют «мусульманской схоластикой» или «служанкой богословия» на Ближнем Востоке [5, с. 176]. Аль-Фараби использовал данный термин, как правило, в той части своих сочинений, в которых речь шла о сакральных понятиях, например, о сущности Бога и Священной книги. Как констатируют исследователи, «аль-Фараби называл келамом те слова и выражения, из которых состояли божественные откровения, ниспосланные Мухаммаду» [10, с. 33]. «Келамом» также именовались в сочинениях восточного мыслителя слова, предложения и целые фрагменты хадисов, из которых, как известно, сложена Сунна. Мыслитель полагал, что «божественное слово» свято, оно является

образцом для совершенствования в области сочинительства и стихосложения. Тем не менее сфера применения данного понятия в концепции языка аль-Фараби была значительно уже, нежели чем у вышеперечисленных терминов. Замечу, что потребность в изучении разновидностей «келамов» интеллектуалами Ближнего Востока была вызвана и тем, что язык написания важнейших правовых источников был затруднен для понимания, некоторые слова и выражения Корана и Сунны нередко могли интерпретироваться двояко. Более того, экспансионистская политика халифов в VIII – IX вв., нацеленная на арабизацию и исламизацию покоренных территорий, требовала открытия многочисленных курсов преподавания арабского языка и изучения религиозных текстов, а также развития переводческого дела. Все это, безусловно, актуализировало значение религиозного языка в среде образованных членов общины.

В качестве заключения хочется сказать следующее. Учитывая тот факт, что в России философия языка стала изучаться сравнительно недавно, отечественная философская наука оставила за бортом своего исследования достаточно важный для понимания актуальных вопросов современной лингвофилософии срез – восточный интеллектуальный мир. Говоря другими словами, средневековая арабо-мусульманская лингвофилософия в современном отечественном гуманитарном знании пока еще не стала объектом пристального изучения. В результате чего в отечественной истории философии языка прослеживается отсутствие преемственности между античностью и Новым временем, существующая брешь не заполнена, она зияет словно темное, неизведанное пятно. Хотя в действительности и в данную эпоху осмысление языка, его природы, а также всего комплекса общелингвистических вопросов не затормозилось. Оно эволюционировало по своим законам на Ближнем Востоке, и творчество аль-Фараби в области философии языка служит тому наглядным подтверждением.

Литература

1. Аль-Фараби. Трактаты об искусстве управления. М.: Бизнеском, 2011. 264 с.
2. Бажутина Н. С. Философия языка. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2001. 40 с.
3. Безлепкин Н. И. Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 272 с.
4. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 244 с.
5. Гриненко Г. В. История философии: учебник. М.: Юрайт, 2010. 689 с.
6. Курмангалиева В. К. Наследие аль-Фараби и формирование нового интегрального мировоззрения. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2012. 322 с.
7. Миннихметов Р. А., Нуриев Б. Д. Государство и право в исламской правовой доктрине. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 148 с.
8. Нуриев Б. Д. Интертекстуальность в постструктурализме и языковая реальность: сравнительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 10
9. Фролова Е. А. История арабо-мусульманской философии. Средние века и современность. М., 2006. 199 с.
10. Altunya N. Farabi'de dil felsefesi. Yüksek lisans tezi. Istarta: Süleyman Demirel Üniversitesi, 2003. 216 с.

Информация об авторе:

Нуриев Булат Дамирович – кандидат философских наук, докторант кафедры философии и истории науки Башкирского государственного университета (г. Уфа), nurievbd@mail.ru.

Bulat D. Nuriev – Candidate of Philosophy, doctoral student at the Department of Philosophy and History of Science, Bashkir State University (Ufa).

Статья поступила в редколлегию 14.04.2014 г.